

**О ВОЗМОЖНОСТИ
КУЛЬТУРНО–ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ СОБЫТИЙ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ
И ПРЕДАНИЯХ НА ОСНОВЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА**

Виктор ЗАЙБЕРТ

*директор научного центра археологии и культурогенеза
Академии «Кокше», профессор археологии, д.и.н., г. Кокшетау*

Введение:

«Физическая жизнь древних культур откладывается в археологическом пласте (культурном слое), а духовная составляющая живет в памяти культур и трансформируется в потоке истории».

Сформулированную преамбулу я понимаю как историческую данность, а изучение последней происходит на основе трех основных источников – археологических, письменных и мифологических.

«Мифологизация» – это, на мой взгляд, – процесс создания образного представления о реальном историческом событии.

«Мифотворчество» – это искусственное, сказочное сочинение вне реальных исторических событий.

Развитие на современном этапе гуманитарных, естественных и прикладных наук существенно расширили источниковедческую базу исторической науки и повысили ее информативность. Археология, генетика и лингвистика становятся сегодня фактором, корректирующим векторы исторической науки.

Одним из археологических источников, доведенного многолетними исследованиями (1980–2014 гг.) различных научных отраслей до уров-

ня этнографического – является поселение Ботай и ботайская культура IV–III тыс. до н.э.

Основными результатами являются следующие открытия и доказательства:

- определена культурная принадлежность;
- абсолютная и относительная хронология;
- реконструированы экономические, социально-этнические, духовные составляющие ботайской культуры;
- формы и направления внутреннего и внешнего развития;
- причины кризиса культуры и векторы её трансформации;
- инструментально доказан приват доместикации лошади и кумыса в Казахстане;
- разработана теория археологической ботайской культуры с ее археологическими, этнографическими, идеологическими, социальными контекстами;
- ботайская культура является истоком степной цивилизации и началом культуругенеза казахов и многих других современных этносов Евразии;

«Культуругенез – это возникновение, развитие и трансформация археологических в этнографические традиционные культуры в условиях перманентной адаптации последних в окружающей среде».

Здесь необходимо сделать акцент на авторском понимании географического детерминизма – роли и степени зависимости Человека от окружающей среды.

Суть не в том, что природа влияет на культуру, другой альтернативы просто нет. Предметно, значение окружающей среды заключается в том, насколько человек задействует природные факторы в процессе адаптации и создания годичного календарного хозяйственно-культурного цикла (ХКТ), а не в абстрактном понимании. Отсюда появляется возможность количественного определения уровня воздействия человека на окружающую среду и его последствий. Носители археологических и традиционных культур создавали ХКТ гармонично с окружаю-

шей средой и, являясь её частью, бережно относились не только как к природным ресурсам, но и как к высшему одухотворенному ноосферному началу.

Для иллюстрации уровня информативности материальной культуры в артефактах, социальных, экономических, мифологических, исторических, экологических, общекультурных контекстов ботайской культуры, приводим следующий перечень:

скальпели для кастрации жеребцов в виде трубчатых проколов из птичьих костей, застежки пут для лошадей из кости и дерева, костяные и волосяные удила, недоуздки из ремней, домостроительная и хозяйственная архитектура многоугольной круговой планировки купольного типа, укрюк – длинная палка с петлей на конце – орудие табунщика для ловли лошадей, боласы – метательные каменные шары для охоты на мелких животных, птиц и парнокопытных и др., метательные дротики, стрелы с луком, копья метательные, транспорт колесный, шестерёночные каменные диски для скручивания веревок, каменные диски с отверстием в качестве маховиков станковых сверл, трепанация черепа при жизни человека, консервные ямы и принцип консервации мяса, очажная печь или прото-тандыр – защитный купол над костром в жилищах, сделанный из обмазанной глиной корзины, первичный экономический придомный комплекс – жилище коневода – загон для лошадей (дойных кобылиц и жеребят), уникальные ювелирные изделия – каменные бусины, костяные долота – стамески, цилиндрические костяные штампы, пластина из самородной меди.

Реконструируется институт экзогамии как этнокультурный и идеологический, а затем и политический признак (реконструкция на основе керамики и планировки жилищ и очагов), изобретение первыми коневодами и наездниками кожаных штанов (мелкая пластика), сапоги с наколенниками и малахай.

Степной неолит являлся финалом присваивающей эпохи, в которой бинарное представление о мироздании сменяется троичной системой миропредставления (верхний, средний и нижний мир). Об этом сви-

детельствуют такие артефакты как гравированные фаланги лошадей, купольная архитектура и групповые захоронения в заброшенных жилищах. Появление в степях курганных захоронений (ямная культура) маркирует уже господство триады.

Культурогенез, как адаптационный, испытывающий инновационные и автохтонные традиции процесс, имел свои внутренние правила в системе причинно-следственной детерминанты.

При закрытии календарного цикла происходило повышение демографического уровня и утверждался хозяйственно-культурный тип и стабильный валовый продукт, что приводило к стагнации общества, ориентированного на простое воспроизводство.

Однако перманентность стагнации нарушали два основных нестабильных фактора: климато-экологический и демографический. Особенно ярко эти факторы проявлялись в Евразии с резко-континентальным климатом. Изменение привычных параметров соотношений двух указанных факторов, приводило к кризису, к разрушению календарного цикла и необходимости стабилизации последнего.

Депрессия древней культуры проявлялась в двух процессах – в исходе населения в другие экологические ниши и культурной переориентации.

Возрождение культуры происходит в обновленном этническом и духовном содержании. В новых условиях этнос открыт для культурной и идеологической инновации, создается соответствующий календарный цикл. Устанавливается регулярный положительный баланс между окружающей средой и воспроизводством материальных и человеческих ресурсов.

Разрушают эту логику жизни лишь события на уровне эрных, пассивных явлений и открытий – эра пешей коммуникации – конной – машинной и ноосферно – информационной. Следует иметь в виду, человек как индивид, являясь природно-социальным продуктом или организмом, функционирует в составе социума и идентифицирует себя с

понятием жизнь в нерасчлененном многовекторном обобщенном образе – Человек. Также воспринимается и понятие «История».

Миграционные процессы за пределы культурно-хозяйственного ареала социумов происходили, я считаю, только в кризисные моменты, а мотивациями к миграциям являлись определенные технические возможности и открытия в системах коммуникации – конно-верховой, конно-транспортной, машинно-транспортной.

Ботайские материалы широко известны в мировой исторической науке, в какой-то мере они определяют векторы исследований в Евразии. Однако осуществление задачи вплетения информационных блоков ботайской культуры в историческую канву Казахстана и Евразии только начинается.

Связано это с глубоким интересом ученых лингвистов и генетиков Казахстана, России и др. стран к археологическим, палеоантропологическим и палеолингвистическим источникам. Так, например, являясь продолжателем в науке тематики своего отца – известного казахского литератора и публициста, этнографа, историка Сулейманова Мухамет-Халела Толеубайулы, Ильяс Сулейманов опубликовал актуальные работы «Праиндоевропейские корни в казахском языке» [1] и «Майкыбий, учение «Жасау-ізі» и истоки чингизизма» [2].

В данной статье, на основе указанных выше методологических принципов, предлагается ряд примеров культурно-хронологической идентификации артефактов ботайской культуры и текста учения «Яссы» [3].

Стр 69. «Все мои дети первой матери («Бір-ана»)..... и наши предки являются выходцами из ущелья «Бір-ін» (Беренское ущелье)).

Данный тезис утверждает единство происхождения народов Турана. Это время от позднего палеолита до мезолита включительно лежит в пределах 50–7 тыс. до н.э.

Беренское ущелье названо скорее всего в честь праматери Бір-ана в процессе заселения Алтая коневодами эпохи энеолита (Усть-нарымская археологическая культура на Иртыше, адекватная Ботайской культуре

IV–III тыс. до н.э. Выходцы из ущелья Бір-ін – это ранние тюрки, характеризующиеся ценностями степных коневодческих народов.

Стр. 70. «Известны предания только про праматерь «Бір-ана». Она родила и воспитала троих сыновей с именами «Қ», или «Қ-бір» (Кибирь), «Іс», или «Іс-бір» (Сибирь), «І», или «І-бір» (Ибирь), от которых пошел человеческий род «Қ-Іс-І», или просто «кісі». Человек «кісі» стал человеком только лишь тогда, когда научился «делать дело», что в древнетюркском звучало также как «қы-іс»: растить злаки, одомашнивать дикие растения, приручать диких животных, разводить и пасти коней, коров, овец, верблюдов, изготавливать оружие, инструменты, посуду, шить одежду и производить множество других жизненно важных предметов».

Символом эпохи охоты и рыболовства является первая мать Бір-ана и отец небесный волк-вожак «Көк-бөрі» атаман охотников.

В материнском роде к имени добавляется имя праматери. К-Бір, Ал-Бір-ана.

Судя по перечню деятельности – это время конца энеолита – эпохи бронзы, расширившие список одомашненных животных в Казахстане – конь в энеолите, КРС и МРС в эпоху бронзы, верблюды в эпоху бронзы – РЖВ.

С формированием патриархальных форм жизни к собственному имени сыновей стали прибавлять отчество впереди имени (рис. 3).

Стр. 71. «Великая праматерь также объявила, что понятие «кісі» несовместимо с каннибализмом. До праматери «Бір-ана» не было человеческого общества. Были вечно враждующие между собой стаи «екі аяқты қасқыр» (двуногих волков). Они не знали, что такое единство, нахождение общего языка. Каждая стая («үйір») признавала только собственного вожака и считала за непримиримого врага другую стаю. «Бір-ана» запретила приносить в жертву человека. Стали жертвовать животными».

В археологических памятниках первобытной эпохи (палеолита – РЖВ) повсеместно встречается примеры каннибализма, которые сви-

детельствуют о живучести этого явления, уже начиная с первых шагов человеческого общества.

Ярким примером служит найденный в 2005 г. при раскопках поселения Ботай неполный скелет человека в неанатомическом состоянии среди кучи костей животных, т.е. в процессе утилизации. За годы многолетних раскопок на поселении неоднократно встречались фрагменты черепа, пальцев и других частей скелета человека (рис. 4).

Стр. 71-72. «Но пришло время, когда три могущественных племени выделились среди других окружающих племен и стали полновластными хозяевами трех территорий, которые назывались «Күн жер» (дневная земля), «Түн жер» (ночная земля, или «земля полярных ночей») и «Тайгы жер» (охотничья земля). Ни одно из этих трех племен не претендовало на территорию друг друга. Каждое занималось своим делом на территории, ему принадлежащей. У них был общий враг – масса диких хищных общин, привыкших убивать и поедать представителей других родов».

В традициях степных коневодческих народов, начиная с Ботая, большое значение играл культ волков и домашних собак, охранителей не только табунов, но и домашних очагов. Более 10 примеров захоронения собак фиксируются в полах и у входов ботайских домов.

Представляется, что заповедь праматери была актуальна, особенно в кризисные периоды культурогенеза. На примере Ботая можно предположить, что ботайцы, сложившиеся как более передовая и сплоченная конфедерация у своих истоков находилась в оппозиции к мезо-неолитическому населению присваивающей ориентации – носителей Атбасаркой культуры.

Ботайская культура существовала около 1000 лет, за это время происходила эволюция мировоззрения человека к окружающей среде. Иллюстрацией жертвоприношения животного на поселении Ботай является факт находки черепов 12-ти коней на погребальной вымостке, оконтуривающих групповое захоронение людей, а также ритуальная выкладка из черепов коней в виде двух параллельных полос на расстоянии более метра друг от друга.

Следует отметить еще одну особенность отношения человека к животному в частности к лошади: с одной стороны, лошадь являлась источником питания, с другой стороны сама являлась культом и объектом культовых обрядов, в отличие от современных индусов, у которых корова является культовым животным, а в пищу их использовать запрещено.

Стр. 72. «В результате был создан союз трех племен с названиями Кибирь, Сибирь, Ибирь. Путем испытаний и отбора сделались вождями племен три ее сына, что явилось началом мужской власти в обществе – патриархата. Каждый из них обязался нести ответственность за судьбу своего племени и, вместе с тем, за союз трех племен. Они женились на женщинах-вождях, и с той поры пошла традиция различать царский род мужской «солнечный» и женский «лунный», поскольку правление этих трех новых вождей-мужчин олицетворяло восход солнца после долгой ночи. С тех пор бытует поговорка: «Жаңбыр жауса жер көгереди, ер туса – ел көгереди» (когда идет дождь, то расцветает земля, когда родится «ер», достойный муж, вождь, то процветает народ)».

Начало патриархальных отношений в степях Казахстана начинается с одомашниванием коня и становлением коневодства. На Ботае зафиксированы более десяти артефактов из камня и глинистого песчаника представляющих изображение фаллоса. Мы их рассматриваем в купе с другим типом артефактов – биконическими каменными изделиями, известные в археологической литературе как «утюжки» или «прямилки» для стрел.

Характерно, что многие утюжки разбиты, а в некоторых экземплярах сделаны дополнительные лунки в местах расщепления, символизирующие утробу женщины. Проведенные исследования показали, что иконография утюжков уходит глубоко в древность и аналогична биконическим формам палеолитических Венер, и естественно подобные типы встречаются в последующих культурах первобытной эпохи. Время прекращения этих изделий определяется эпохой энеолита-бронзы. Традиция обозначения или фиксирования принадлежности к той или

иной материнской общине лежит в эпохе мезолита-неолита. При переходе к патронимической системе, в связи с появлением нового культа коня и мужского культа – фаллоса при инициациях и свадебных обрядах, утюжки – женские культы разбивались ритуально фаллическими пестами. Этот момент фиксировал новое социальное положение молодой женщины.

Вместе с тем, статус женщины-матери был достаточно высоким. Об этом свидетельствуют многочисленные, более 200 экз., гравированные фаланги лошадей. Есть уникальный факт, когда в раскопанном ботайском жилище вокруг костра располагалась около 20 фаланг, орнаментированных геометрическими элементами – заштрихованными треугольниками, зигзагами, змейками, линиями. Они могут быть связаны с культом праматери, фиксирующей статус членов общины, количественные характеристики семейных ценностей, отношение к определенным тотемным или анимистическим божествам.

В конечном логическом варианте в ритуальном взаимодействии утюжков и пестов можно увидеть бинарный круговорот природы, солнце-луна, день-ночь, мужчина-женщина или Инь-Янь.

Стр. 73. «Без коней не было бы ни ариев, ни скифов, ни гуннов, ни тюрков, ни монгол. «Яссы» подразумевает именно это общество всадников-коневодов. В «Яссы» утверждается, что именно под руководством «Бір-ана» женщины привлекли кормом и лаской кобылиц, помогали им жеребиться, а затем растили жеребят вместе со своими детьми. Когда жеребята подрастали, то матери сажали на них детей и постепенно приучали их быть всадниками. Первой научилась доить кобыл «Бір-ана» и обучила этому мастерству всех женщин подвластного ей племени. Именно она изготовила первую уздечку, первую попопу, первый хомут. Именно женщины обучили своих сыновей разным ремеслам. Именно матери обучили детей общению на деловой основе, достижению единства на базе общего дела».

Формирование степных и таежно-тундровых культур происходило асинхронно, с точки зрения появления в последних элементов произво-

дящего хозяйства. Если у дневных птиц, коневодство появляется в эпоху энеолита в IV тыс. до н.э., то у ночных птиц (северные кочевники – оленеводы) оленеводство появляется только в раннем железном веке (VII–V век до н.э.) в результате близких экономических, социальных и инновационных связей. Оленеводы исторического периода сохранили многие элементы технологий коневодов при изготовлении упряжи и узды для оленей, а также санитарно – лечебные приемы и ветеринарные инструменты.

Стр. 76. «Поскольку стадо домашних животных тоже именуется «косак», а животноводству, по преданию обучила людей «Бір-ана», то образное выражение можно расшифровать так: «Праматерь нас благословляет, чтобы стада были тучными». Радуга воспринималась как доброе знамение, благословение праматери к росту благосостояния. Дочерей и внуков своих «Бір-ана» учила находить целебные травы и корни, искусству врачевания, поэтому лечебные травы Майки-бий назвал «кем-бір-шөп», что в современном казахском языке звучит как «кемпіршөп»...».

Термин «Косак» в древнем понимании – «домашняя лошадь», домашнее животное, в конкретно–историческом содержании подразумевает нахождение лошади вблизи дома под контролем, хозяйки или хозяина. В табуна содержится несколько косяков (косак-косяк). Косяк – это первоначальная корпоративная единица табуна. Имеется своя традиция и правила формирования человеком косяков. Ботайский жилищно-хозяйственный комплекс, включающий жилище и загон для лошадей являлся тем местом, где определялся размер косяка и, закладывались традиции коневодческого хозяйства. Размеры площади ограды у ботайского жилища примерно соответствуют понятию – косяк, а также по площади современным загонам.

Стр. 74. «Эти же территории, как уже говорилось, имели и другие названия – «күн жер», «тайгы жер». Позже на русском языке «тайгы жер» стали называть тайга, «түн жер»– это тундра, а «күн жер» – степная зона Сибири и Дальнего Востока. Эти три племени называли себя

также «күн кұс» (дневные птицы), «түн кұс» (ночные птицы или птицы Заполярья) и «қы – тай» (делай новое богатство). «Дневные птицы» – это степное кочевое племя. «Ночные птицы» – это северные кочевники – олениводы. Коневоды Южной Сибири говорили: «Ат – кісінің канаты» (конь – крылья человека)».

Стр. 75. «Коневоды же обобщенно именовали себя «ақ – кұс», или «қу» (и то, и другое означает «лебедь»), ассоциируя себя со стаей вольгих перелетных птиц, приземляющихся на чистых, заповедных лугах и озерах. От них пошел народ «ку» (во множ. числе «кун», кит. «хунну», гунны) – племена всадников, коневодов».

Выражение «Конь – крылья человека» – не случайна. Высокая скорость коня до 25–30 км существенно отличалась от скорости пешехода (до 5 км/час). В известном выражении литературного классика: «Быстро лечу я по рельсам чугунным», поезд шел со скоростью 27 км/час. Естественно, что скорость коня, вызывало ощущение полета, когда под ногами наездника стремительно менялась картина ковыльной волнующейся степи.

Стр. 75. «Ал-Бір-ана» призывала очень бережно относиться к природе. Она требовала: Жерде бір қылшық жатпау керек» (ни один волос не должен засорять землю). Когда в первые годы своего каганства Чингисхан побывал для поклонения духам предков в Беренском ущелье на Алтае, то по возвращении домой он немедленно приказал, чтобы нигде не смели совершать такое святотатство, как загрязнение природы».

Данный тезис рассмотрен мною в свете стратегии формирования и закрытия календарного цикла. «Новое богатство» не может быть получено при бездушном и бесцельном уничтожении окружающей среды. Современное человечество, вероятно, сделало огромную ошибку, выйдя из лона природы, посчитав себя царем природы, в отличие от традиционных культур, у которых политические решения и социально-мировоззренческие установки исходили из единства верхнего и нижнего миров.

Таким образом, можно сделать некоторые умозаключения:

– Мифологическое наследие отражает определенный уровень или степень исторической памяти народа.

– Определенное нарушение последовательности хронологических событий отражает с одной стороны объективные и субъективные факторы технологии передачи информации, с другой – обусловлены историческим ходом события, сочетающим периоды этнической стабильности с богатой информацией о сюжетах психологических уравновешенными и понятными, и критические, стрессовые периоды и пассивные проявления.

– Отсюда и расхожая поговорка: «Не дай бог жить в эпоху перемен». В этом случае происходят сбои в потоки истории, характеризующиеся фрагментарностью, передаваемых новым поколениям, информации.

– Этнография позволяет ретроспективно идентифицировать определенные психотипы носителей преданий.

– Лингвисты, опираясь на этно-археологические и культурологические исследования, могут более объективно решать свои профессиональные задачи.

В условиях современного роста качества научных исследований, повышения информативности источников, возможно, произвести более или менее объективный анализ литературного и исторического письменного наследия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Мухамед – Халел Сулейманов, Ильяс Сулейманов. Праиндоевропейские корни в казахском языке. Краткий философско-лингвистический и историко-этимологический справочник. Алматы, 2010. 100 с.
2. Сулейманова Мухамет – Халела Толеубайулы. Майка – бий, учение «Жасау – ізі» и истоки чингизизма. История народов Турана в преданиях казахских биев. Алматы: «Servisepress», 2013. 278 с.
3. Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: «ҚазАқпарат», 2009. 576 с.